

— Я не стану отбирать добычу у стервятников, — отозвалась Зеленая Змея. — Просто в теле Бэнь Лэя мой яд, а они не умеют его нейтрализовать, так что его мясо для них смертельно.

С этими словами Змея стремительно метнулась к труп, отгоняя птиц. Одна из них, успевшая клюнуть плоть, уже не могла взлететь — очевидно, тоже отравилась.

— А я-то думала, ты только убивать да есть умеешь, — заметила Белая Змея. — Оказывается, у тебя есть и милосердие. Сестра очень рада это видеть. Я ведь сама не подумала, что стервятники могут отравиться, когда увидела, как они пируют. Сегодня ты проявил больше доброты, чем я.

— Единственное, что мне в тебе не нравится, сестра, — это чрезмерная жалость к людям, — ответил Зеленая Змея. — Ты заботаешься о них больше, чем о существах нашего рода.

Белая Змея рассмеялась:

— Ты прав, я заслужила этот упрек. Но я искренне счастлива видеть, что ты так добр к своим сородичам.

— По правде говоря, никакого особого милосердия во мне нет, не стоит меня хвалить, — отрезала Змея. — Просто здесь все птицы подчиняются сестрице Огненному Ворону, и негоже им погибать из-за меня.

С этими словами она собралась было выпустить дыхание Внутренней пилюли, чтобы очистить птицу от яда, но Белая Змея остановила её:

— Не стоит попусту тратить силы, есть способ проще.

Она взяла стервятника, обхватила его обеими руками и закрыла глаза, концентрируя энергию. Вскоре из тела птицы потянулся черный дымок, она встрепенулась, издала радостный крик и, расправив крылья, улетела.

— Сестра, ты настоящий лекарь! Я знал об этом с нашей первой встречи, но не думал, что ты настолько искусна.

Белая Змея улыбнулась:

— Я знаменита на горе Эмэй как целительница среди иных существ. Мои три названные сестры стали мне семьей именно потому, что я когда-то их вылечила.

— Ты рассказала мне об этом только сейчас. Какая же ты скромная! Будь я на твоём месте, давно бы всем хвасталась.

Белая Змея в ответ лишь рассмеялась и погладила брата по голове. Затем она принялась

обыскивать одежды Бэнь Лэя, нашла меч и, вытащив его из ножен, сразу почувствовала запах крови.

— Неизвестно, что за метод был использован при ковке, — нахмурилась она. — Скорее всего, ради него погубили множество жизней.

С этими словами она бросила меч в воду.

— У тебя ведь нет оружия, — удивился Зеленая Змея. — Почему ты его выбросила?

— Этот меч наверняка закален с помощью злых чар на крови невинных, — пояснила Белая Змея. — Если я буду им пользоваться, праведники сочтут меня приспешницей темных сил и убьют. Рисковать нельзя.

Зеленая Змея кивнула, не став спорить. В этот момент она заметила, что голова трупа Бэнь Лэя слабо светится. Она подошла ближе, чтобы рассмотреть получше, как вдруг из макушки даоса вырвался яркий сгусток света. Не успел он взлететь, как Змея молниеносно раскрыла пасть и проглотила его.

Белая Змея испугалась:

— Сяо Цин, это же семя духа Бэнь Лэя перед его переходом в божественное состояние! Твоя ступень развития слишком низка, ты не сможешь его усвоить, тебе нельзя это есть!

Но было поздно: пилюля уже была проглочена. В тот же миг Зеленая Змея ощутила внутри себя неистовое пламя. Разум помутился: ярость сменялась отчаянием, боль — ликованием, все чувства смешались в невыносимый вихрь.

Она почувствовала, как внутри закипает гнев, требующий выхода. Тело само собой взмыло в воздух, рухнуло вниз и заметалось по лесу, ломая деревья. Белая Змея, побледнев от ужаса, бросилась наперерез, и когда брат, сбив очередное дерево, оказался рядом, она крепко обхватила его:

— Сяо Цин, что с тобой? Сяо Цин!

Зеленая Змея чувствовала родные объятия, но рассудок был затуманен. Она забыла, что рядом сестра, в голове пульсировал лишь бесконечный гнев. Белая Змея держала её изо всех сил, но та с яростью отшвырнула её. Белая Змея поднялась и снова бросилась к ней, но Зеленая Змея, не разбирая, кто перед ней, вонзила зубы в её левую ногу.

Белая Змея вскрикнула и осела на землю. Боль физическая и душевная заставили её заплакать. Кровь хлынула из раны, орошая пасть нападавшей. Ощувив вкус крови сестры, Зеленая Змея вздрогнула, разум на миг прояснился, и она разжала челюсти.

Ощущая, как тело сжигает огонь, она по инстинкту бросилась в пруд и ушла на глубину. Соприкосновение с водой принесло нестерпимую муку, словно тело распадалось на части, но сознание начало возвращаться.

Она перестала чувствовать своё прежнее тело, зато перед глазами пронеслись видения: вылупление из яйца, яростные битвы, тысячи воинов. Только она хотела всмотреться в эти забытые образы, как всё накрыло пустотой — теплой, ленивой и бесконечно приятной. Зеленая Змея просто хотела спать. И уснула.

— Сяо Цин, Сяо Цин, Цин-эр, Зеленая Змея, это ты?

Услышав голос сестры, она открыла глаза. Перед ней была Белая Змея с покрасневшими от слез глазами. Она — нет, он. Он вдруг почувствовал, что стал совсем другим, и невольно протянул то, чем никогда раньше не пользовался, — руку!

Он в испуге сел. Но еще больше его поразило не собственное превращение, а глубокая рана на ноге сестры, покрытая запекшейся кровью.

— Сестра, что с твоей ногой?

— Значит, это всё-таки ты, Сяо Цин. Неужели не помнишь? Ты проглотил пилюлю Бэнь Лэя и обезумел. Я пыталась тебя удержать, а ты укусил меня. Хорошо, что совесть взяла верх и ты не раздробил кость, иначе я бы навсегда осталась калеккой. Говорят, если иное существо теряет конечность в человеческом облике, она больше не отрастает. К счастью, нога цела, — улыбнулась она.

Зеленая Змея нахмурилась, сердце пронзила боль, и из глаз покатались слезы:

— Как же так? Как я мог поддаться звериной ярости и ранить тебя?

— Возможно, пилюля даоса пробудила скрытую в тебе жестокость, — ответила Белая Змея. — Но я смогла вернуть тебя.

— Я ужасен! Я ранил сестру. Бей меня, наказывай!

— Не вини себя. Это ведь твое Принятие человеческого облика, процесс всегда мучительный, он сбивает с толку. На горе Эмэй я видела старую обезьяну, которая сошла с ума, не справившись с превращением. Хорошо, что я была рядом, наши Узы помогли тебе не сбиться с пути.

— Стать человеком... верно.

Он только сейчас осознал, что чувствует себя иначе. Осмотрел своё тело: обнаженный

мужчина с густыми волосами на теле и длинными зелеными прядями до плеч. Он коснулся лица и нащупал жесткую щетину. Но восторг от превращения мерк перед чувством вины. Он поспешно извлек свою внутреннюю пилюлю, чтобы исцелить сестру.

— Не нужно, убери её, — сказала Белая Змея. — Я ведь лекарь, я сама себя вылечу.

Но он настоял на своем, желая хоть немного облегчить свою вину, и она не стала спорить. Вскоре кровотечение остановилось, хотя глубокий шрам остался.

— Довольно, спрячь пилюлю, — попросила она. — Рана слишком глубока, за одно мгновение не заживет. Остальное я долечу сама.

Он послушно убрал пилюлю.

— Было очень опасно, — призналась Белая Змея, улыбаясь. — Я думала, ты меня съешь, но верила, что ты не причинишь мне вреда. И оказалась права: даже на грани безумия ты вспомнил обо мне. Я счастлива, что смогла помочь тебе пройти через это.

— Всё из-за того, что я не послушал тебя и съел эту проклятую пилюлю, — он снова заплакал, уже человеческими слезами.

Белая Змея вытерла их:

— Это всего лишь царапина, не беда. Главное, что ты смог принять человеческий облик.

— Не знаю, сможешь ли ты теперь нормально ходить.

— Пустяки, смотри, — она с трудом сделала два шага.

— Пожалуйста, не ходи, отдыхай, — взмолился он. — Забудь о поисках сокровищ, давай просто вернемся и подлечимся.

Белая Змея рассмеялась:

— Я в порядке. Я так рада, что удержала тебя от безумия, теперь я спасла тебя, и долг перед тобой кажется меньше.

— Вот и отлично, — ответил он. — Больше не придется постоянно напоминать мне, что ты меня спасла. Отныне, если ты будешь добра ко мне, я буду знать, что это от чистого сердца, а не из чувства долга.

Белая Змея показала язык:

— Идет. Отныне будем слушать только свое сердце.

— Хорошо.

— Хватит об этом, — сказала она. — Ты только что стал человеком, попробуй своё новое тело.

— Что тут пробовать? Давай я отнесу тебя домой.

— Моя нога в порядке, не говори больше об этом. Я хочу посмотреть, как ты двигаешься.

— Ну, хорошо. — Он поднял руки, сделал шаг, присел, подпрыгнул — за считанные мгновения он опробовал десятки человеческих движений. А потом, коснувшись лица, внезапно понял, что не знает, как выглядит, и спросил: — Сестра, я красив?

Белая Змея рассмеялась:

— Ты же не девица, какая разница? Люди не придают значения внешности мужчин.

Он нахмурился:

— Значит, я некрасив?

— По-моему, вполне приятный облик, — ответила она. — Но мне нужно привыкнуть к тому, что ты — это ты. Пока ты кажешься мне незнакомцем, хоть от тебя и исходит знакомый аромат.

— Когда ты превратилась, я тоже видел в тебе чужака, — кивнул он. — До сих пор это чувство не ушло до конца.

— Нам обоим нужно время. Сходи к воде, посмотри на себя.

Он поспешил к пруду. В отражении он увидел смуглое лицо с красноватым оттенком, большие глаза, густые черные брови и широкий рот, полный белых зубов. Черты лица были правильными, а на подбородке росла густая борода. Он в недоумении дернул её и поморщился от боли.

Он опустил взгляд: мощные мышцы, крепкое тело, покрытое волосами. Длинные сине-черные волосы спадали на спину, щекоча кожу. Он боялся, что станет похож на Бэнь Лэя, но сходства не было вовсе. И почему он стал именно таким, оставалось загадкой.